



Альтернативные институциональные стратегии разработки монетарных теорий¹

Виталий В. БИРЮКОВ

<https://orcid.org/0000-0002-3385-3603>

доктор экономических наук, профессор

Омская гуманитарная академия

Российская Федерация, 644105, г. Омск, ул. 4-я Челюскинцев, 2а

e-mail: sciencebv@gmail.com

Для цитирования: Бирюков В. В. Альтернативные институциональные стратегии разработки монетарных теорий // AlterEconomics. 2022. Т. 19, № 2. С. 262-282.

<https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2022.19-2.4>

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, которые связаны с трансформациями современной экономики, порождающими необходимость разработки новых стратегий изучения макроэкономических процессов, взаимосвязи монетарных и реальных переменных. Целью статьи выступает выявление особенностей стратегий конструирования монетарных теорий мейнстрима и разработка исследовательского подхода, который ориентирован на изучение эндогенных по своей природе институциональных связей, складывающихся в монетарных процессах. Методология исследования основывается на наличии у субъектов ценностно-экономических мотивов поведения, что соответствует интересубъективной природе экономики и позволяет преодолеть крайности, свойственные методологическому индивидуализму и методологическому холизму. В работе показано, что институциональные особенности стратегий разработки современных монетарных теорий определяются использованием ортодоксальных и гетеродоксальных версий кейнсианского подхода. Парадигмальная ограниченность стратегий конструирования распространенных монетарных теорий обуславливается опорой на методологический индивидуализм, что порождает экзогенную трактовку институтов и монетарных феноменов. Поэтому на основе неоклассической версии теории стоимости нельзя объяснить появление рыночной цены как институционального феномена, а макроэкономические показатели в теориях мейнстрима являются экзогенными агрегированными переменными. Раскрыты особенности формирования парадигмальных рамок классической политэкономии и институционально-эволюционной теории стоимости и денег К. Маркса, обусловленные ценностно-нормативной интерпретацией экономического поведения субъектов. Исходя из этого показано, что предложенный в работе исследовательский подход соответствует классической традиции и способствует изучению эндогенной связи номинальных и реальных параметров макроэкономических процессов. В рамках данного подхода обоснована необходимость понимания денег как институциональной переменной, которая характеризует величину выполненной полезной работы и соответствующую часть ВВП. Автор приходит к выводу, что для решения системных проблем развития национальной экономики особое значение имеет формирование адекватной реальным институциональной модели, в рамках которой становится возможным конструирование эффективных налогово-бюджетных и денежно-кредитных регуляторов монетарных процессов.

Ключевые слова: теории стоимости, монетарные теории, институционализм, классическая школа, кейнсианская теория, макроэкономика

¹ © Бирюков В. В. Текст. 2022.

RESEARCH ARTICLE

Alternative Institutional Strategies for Constructing Monetary Theories

Vitaly V. BIRYUKOV

Dr. Sci. (Econ.), Professor

*Omsk Humanitarian Academy**2A, 4th Cheluskintsev St., Omsk, 644105, Russian Federation*

e-mail: sciencebv@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-3385-3603>

For citation: Biryukov, V. V. (2022). Alternative Institutional Strategies for Constructing Monetary Theories. *AlterEconomics*, 19(2), 262-282.

<https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2022.19-2.4>

Abstract. The article discusses the new strategies for studying macro-economic processes and relationships between the monetary and real variables in light of the transformations of the modern economy. The research aims to describe the strategies of constructing monetary theories of mainstream economics and to develop an approach for studying endogenous institutional relationships in monetary processes. Conceptually, the study uses as a point of departure the idea that economic entities pursue value-based and economic motives. Such an approach reflects the intersubjective nature of the economy and helps overcome the extremes of methodological individualism and methodological holism. The study shows how the institutional characteristics of the strategies in question are determined by orthodox and heterodox versions of Keynesian economics. The paradigmatic limitations of the given strategies may stem from the fact that methodologically they rely on individualism, which leads to exogenous interpretations of institutions and monetary phenomena. Therefore, it is impossible to explain the emergence of market prices as an institutional phenomena by drawing on the neo-classical versions of the theory of value. Macro-economic indicators in mainstream economics are exogenous aggregated variables. The study traces the development of the paradigmatic framework of classical political economy and Marx's institutional-evolutional theory of value and money, which were determined by the normative interpretation of the economic behaviour of economic entities. Following the above, it is shown that the proposed approach corresponds to the classical tradition and contributes to the research on the endogenous relationship between the nominal and actual parameters of macro-economic processes. This approach also demonstrates the need to consider money as an institutional variable characterizing work output and the corresponding part of GDP. The conclusion is made that in order to address the systemic problems of national economic development, it is particularly important to create an institutional model that would be adequate to the current reality and that would be suitable for constructing effective fiscal and monetary regulators of monetary processes.

Keywords: theories of value, monetary theories, institutionalism, classical school, Keynesian theory, macroeconomics

UDC 330.1, 330.33, 330.8

JEL A10, A13, B10, B20, B22, B41, B50

1. Введение

Происходящие в современной экономике сложные структурные изменения порождают необходимость реализации новых методов проведения экономической политики на основе концептуального переосмысления используемых подходов к изучению макропроцессов и монетарных механизмов их развития. Вместе с тем сегодня в монетарных теориях, как отмечает С.Г. Кирдина-Чэндлер, деньги выступают часто формальным объектом исследования, поскольку внимание сфокусировано на анализе связи предложения денег и валового выпуска или совокупных расходов (Кирдина-Чэндлер, 2019. С. 37). В то же время в экономической теории, как утверждает Т. Лоусон, отсутствует четкое понимание денег, хотя они занимают

центральное место в современной экономике (Lawson, 2018. Р. 851). Данная ситуация в экономической науке, по мнению В. М. Ефимова, возникла на основе методологической традиции игнорирования денег (Ефимов, 2018. С. 7). Для понимания концептуальных особенностей сложившихся подходов к изучению природы денег и разработки монетарных теорий следует учитывать, что они определяются прежде всего опорой на разные методологические установки и в связи с этим — на альтернативные институциональные концепции и теории стоимости.

Конкурирующие в настоящее время макроэкономические теории выступают различными версиями кейнсианской концепции, учитывающими, некоторым образом, роль институциональных факторов, а также денег как особого экономического института. В последние годы наблюдается рост критических исследований, в которых указывается на системные изъяны институционализма и необходимость разработки более реалистичных интерпретаций роли институтов в развитии экономики (Coccia, 2018; Whaley, 2018; Alvesson, Spicer, 2019; Фролов, 2020; Сухарев, 2021). При этом отмечается, что институциональные исследования экономики приобрели эклектичный и дифференциальный характер; они распадаются на множество частных направлений в результате отсутствия единой мета-теоретической рамки. Результаты выполненных сегодня многочисленных институциональных исследований мейнстрима обладают скромной практической ценностью для проведения экономической политики, разработанные рекомендации вплотную сближаются с рекомендациями неоклассики.

Парадоксальность сложившейся когнитивной ситуации состоит в том, что несмотря на острую критику сторонниками институциональных теорий неоклассической модели поведения экономического эгоиста (*homo economicus*) данная модель также формирует ядро их теорий (Хэндс, 2012). Хотя конкурирующие программы исследования институтов имеют методологические особенности, связанные с фокусированием внимания на использовании установок методологического индивидуализма или методологического холизма, но между ними возникли существенные пересечения, а границы оказываются размытыми (Hodgson, 2014). Это обусловлено тем, что в данных программах явно или неявно экономический мотив субъекта интерпретируется как мотив поведения *homo economicus* на основе утилитаристской этики, а неэкономический — обуславливается тем, что субъект испытывает экзогенное воздействие институтов. Поиск микрооснований, позволяющих преодолеть экзогенную трактовку институтов при используемых предпосылках, остается проблематичным (Felin, Foss, 2019; Harmon et al, 2019).

Происходящий в последние десятилетия методологический поворот в экономической науке порождает один из фундаментальных сдвигов, связанный с отказом от сложившихся в XX в. представлений о ее этической нейтральности (Хэндс, 2012; Ананьин, 2013. С. 86). При этом обращается внимание на потребность разработки исследовательского подхода, учитывающего множество способов включения в экономическое оценивание ценностной составляющей (Ставерен, 2009. С.59). В данных условиях важным становится отказ от изучения институциональных связей с помощью традиционного подхода к анализу экономического поведения и использование ценностно-экономического подхода, который соответствует интересубъективной природе экономики и позволяет преодолеть крайности, свойственные методологическому индивидуализму и методологическому холизму

(Бирюков, 2020). Предлагаемый подход исходит из того, что экономическое поведение субъектов определяется особенностями эволюционирующих во времени экономико-культурных представлений, выражающих противоречивое единство общесистемных и индивидуальных характеристик. В связи с этим становится возможным изучение проявляющихся в различных институциональных формах эндогенных по своей природе относительно устойчивых связей экономики, которые складываются на основе достижения ценностного согласования и обычно в некоторой степени соответствуют реальности.

Парадигмальные особенности используемых подходов к анализу монетарных механизмов формирования системных связей экономики неизбежно определяются трактовкой феномена стоимости (ценности). Сегодня появление новой волны построения монетарных теорий тесно связано с попытками переосмотра неоклассической версии теории стоимости. Как утверждает П. Мюррей, выяснение того, что такое ценность, остается, пожалуй, самым насущным, но игнорируемым вопросом современной социальной теории (Murray, 2018. P. 16). При этом Д. Элдер-Васс, указывая на необходимость изучения взаимосвязи между ценностью и ценой, обращает внимание на то, что рассмотрение данной взаимосвязи занимало центральное место в классической политической экономии, но в современной экономической науке отошло на второй план (Elder-Vass, 2019. P. 1485). Следует учитывать, что классическое мышление А. Смита, К. Маркса и других представителей классической теории, как отмечает Е.П. Дятел, во многом сформировалось под влиянием эвристического потенциала аристотелевской логики, оказавшейся востребованной для систематизации категориального аппарата политической экономии (Дятел, 2021. С. 378). Поиск альтернативных подходов к изучению монетарных процессов сегодня сопровождается возрастанием внимания к идеям классической школы и институционально-эволюционной теории стоимости и денег К. Маркса. Вместе с тем для понимания парадигмальных особенностей системного описания экономики, разработанного в классической теории на основе эндогенной интерпретации институциональных связей, важно отказаться от сложившихся под влиянием доминирования неоклассики заблуждений и мифов.

Целью статьи выступает выявление особенностей стратегий конструирования монетарных теорий мейнстрима и разработка исследовательского подхода, который ориентирован на изучение эндогенных по своей природе институциональных связей, складывающихся в монетарных процессах. Исходя из этого в статье обоснована парадигмальная ограниченность неоклассического подхода к анализу стоимости и стратегий разработки монетарных теорий мейнстрима; раскрыты парадигмальные особенности формирования институционально-эволюционной теории стоимости и денег в рамках классической школы; а также рассмотрены институциональные альтернативы разработки современных монетарных теорий.

2. Парадигмальная ограниченность неоклассического подхода к анализу стоимости и стратегий разработки монетарных теорий мейнстрима

Сегодня в рамках мейнстрима утвердилось представление, в соответствии с которым У. Баумоль указывает, что П. Самуэльсон и Дж. Хикс, опираясь на выполненные в XIX в. работы по теории полезности, предложили небывалой глубины и аналитической мощи теорию стоимости (Баумоль, 2001. С. 85). При этом замал-

чивается, что все предпринимаемые авторитетными учеными попытки обоснования неоклассической версии теории стоимости и цены неизбежно заканчивались признанием когнитивного тупика.

Так, в 1925 г. Дж. Винер, являющийся сторонником теории полезности, в своей известной статье отмечал, что в научных изданиях доминировала в это время острая критика данной теории; ее логика считается ошибочной, выводы имеют классовый характер, а гедонизм и рационализм не выступают основными чертами поведения человека. Рассматривая парадигмальные особенности неоклассического подхода, он утверждает, что рыночная цена является групповой нормой поведения и ее невозможно обосновать исходя из индивидуалистических норм. Поясняя данное утверждение, Винер указывает, что работы экономистов-математиков доказали ошибочность представлений Джевонса и австрийцев о тождественности графиков полезности в денежном выражении и графика спроса. Поэтому в теории полезности цена уже не выступает мерой полезности для различных субъектов, поскольку равенство цен не предполагает для них равную полезность (Винер, 2000).

Возникшее в 1930-е годы разделение экономической теории на микро- и макроэкономику не привело и в середине XX в. к решению фундаментальных проблем неоклассической версии стоимости и цены. Теоретики полезности, как писал Дж. Стиглер, знали об этих проблемах, но все предложения по их решению считались «лоскутным ремонтом» (Stigler, 1950). В связи с этим М. Редер и Т. Скитовски отмечают, что неоклассический подход не позволяет объяснить появление на конкурентном рынке одной цены (Reder, 1947; Scitovsky, 1952). Все дальнейшие попытки предложить модель обмена в качестве теоретической основы изучения рынка, как показывает В.М. Полтерович, становятся безуспешными (Полтерович, 2011). Так, агрегированная кривая спроса в соответствии с теоремой Зонненшайна — Мантеля — Дебре может принять практически произвольную форму.

Раскрывая особенности сложившейся когнитивной ситуации, К. Эрроу утверждает, что неоклассическая модель спроса и предложения создает ошибочное представление о теоретическом обосновании рыночной цены. Данная модель может использоваться при анализе некоторых процессов; но ее индивидуалистическая конструкция не позволяет понять, как происходит изменение цен. В любом учебнике и книге по экономике, пишет К. Эрроу, для рыночных субъектов цена возникает под влиянием экзогенной силы. Утверждение о появлении одной цены рассматривается как следствие стремления участников рынка максимизировать прибыль или полезность; но при неравновесии это не приводит к возникновению одной цены (Эрроу, 1995). В связи с этим А.Д. Некипелов обращает внимание на то, что в неоклассической теории функция спроса описывает решения коллективного субъекта, у которого нет своей системы предпочтений, поэтому рушится вся концепция рыночного равновесия (Некипелов, 2019. С. 25).

В рамках неоклассической парадигмы цена, выступающая результатом функционирования рынка как экономического института, остается необъяснимой институциональной переменной. Однако и в институциональной мысли одним из наиболее важных пробелов является отсутствие теории цены, или теории стоимости (Milonakis, Fine, 2009. P. 162). Сложность и неопределенность экономических проблем, существование экстерналий и конфликтующих интересов способствуют разработке альтернативных теорий стоимости, основанных на ценностно-нор-

мативных подходах. Так, Д. Элдер-Васс предлагает изучать связи между стоимостью и ценой, опираясь на критический реализм, выводы из экономики конвенций и социологии оценки (Elder-Vass, 2019). Для учета плюралистических ценностей и урегулирования конфликтов сторонники альтернативных теорий считают необходимым отказаться от ценностного монизма и основываться на многомерных, многопрофильных подходах. В данных теориях ценность (*value*) рассматривается преимущественно в нормативных терминах на основе этических представлений Дж. Ролза, А. Сена и М. Нуссбаума (Lo, Spash, 2013). Но этические теории ценности не могут заменить экономическую теорию.

Сегодня общепринято, что деньги являются специфическим социальным институтом (Davis, 2017). Вместе с тем в случае денег, как отмечал ещё Й. Шумпетер, невозможно вывести их меновую стоимость из функций предельной полезности (Шумпетер, 2001. С. 1434). В современных теориях денег в связи с опорой на методологический индивидуализм возникают их различные экзогенные версии; при этом деньги становятся необъяснимым институциональным феноменом. В настоящее время происхождение и природа денег часто объясняется тем, что деньги — это товар особого рода. Эволюция рыночных отношений, писал Л. Мизес, породила неотвратимую тенденцию, в ходе которой появился один товар, универсально используемый как средство обмена, как деньги (Мизес, 2012. С. 26). При этом возникающие в процессе архаичного бартера деньги, выступая особым товаром, относятся к частной сфере (Huber, 2017. Р. 35). В товарной теории функции денег выполняет золото; деньги понимаются как неформальный институт и обладают своей внутренней субстанцией. Однако, чтобы золото выполняло функции денег, как указывает У. Бьерг, необходимо объяснить существование денежной системы, на основе которой выявляется ценность благ (Бьерг, 2018. С. 111).

Признание необходимости пересмотра роли государства в регулировании экономики и монетарных процессов сопровождается сегодня возрождением внимания к государственной теории денег Г.Ф. Кнаппа, в которой отрицается наличие у денег своей субстанции. Идеи его теории оказались востребованы при обосновании фискальной природы денег, уточнении ряда их функций, а также в монетарной политике центральных банков (Дубянский, 2015; Jakob, Kumbhof, 2015). В современных версиях государственной теории указывается на важность создания денежных систем с учетом значимости не только неформальных институтов, но и формальных. При этом деньги выполняют свои функции в связи с тем, что установленные государством правила денежной системы поддерживаются доверием к нему людей, а также верой в покупательную и платежную силу денег (Ефимов, 2018. С. 8).

Усложнение проблем создания суверенной модели национальной экономики в условиях возрастания роли глобализационных факторов способствует распространению идей концепции суверенных денег Й. Хубера. В его концепции все деньги выступают как кредитные деньги; их ценность определяется объемом и качеством создаваемых товаров и услуг и зависит от результатов труда платежеспособных заемщиков и института поручительства. Для перехода к устойчивой модели экономического развития Хубер предлагает радикально трансформировать денежно-кредитную систему: банковские кредитные деньги заменить на суверенные деньги, эмитентом которых должен стать государственный центральный банк; государственным предприятиям основную часть суверенных денег сле-

дует предоставлять безвозвратно и без процентов, а меньшую их часть направлять на межбанковский рынок для кредитования производительных инвестиций (Huber, 2017).

Эволюция монетарных теорий в XX в. во многом происходила под влиянием дискуссии сторонников кейнсианской теории с неоклассиками; в ее центре был спор о возможности изучения макропроцессов исходя из положения о нейтральности денег, которое противоречило классической теории, предполагающей рассмотрение взаимодействий субъектов экономики в краткосрочном и долгосрочном периодах с учетом влияния институциональной среды. Дж. Кейнс, опираясь на классическую традицию, разработал концепцию, которая опровергает постулаты неоклассической теории и часто интерпретируется как кейнсианская революция. Он писал, что ему близка теория, согласно которой все производится трудом, поэтому использовал единицу труда в качестве физической единицы, наряду с единицами денег и времени (Кейнс, 1993. С. 161, 302–303). Как указывает П. Дэвидсон, Кейнс считал, что деньги в краткосрочном и долгосрочном периодах не нейтральны; важным для него была и неопределенность будущего; это позволило обосновать несостоятельность неоклассического закона Сэя (Дэвидсон, 2006. С. 85).

Складывающаяся конкуренция монетарных теорий обусловливается особенностями формирования их парадигмальных основ. В предложенной Дж. Хинксом, П. Самуэльсоном, Ф. Модильяни и Дж. Тобином ранней версии кейнсианско-неоклассического синтеза в краткосрочном периоде деньги не нейтральны, а в долгосрочном периоде — нейтральны. Ограниченность данного подхода вызвала возрождение к концу 1960-х годов неоклассического направления, в рамках которого была показана важность учета ожиданий субъектов, возникающих в результате оценивания меняющейся среды; но разработанные модели игнорировали роль монетарной политики. Предпринятые сторонниками кейнсианской теории усилия по углубленному анализу макропроцессов привели к утверждению в мейнстриме монетарной версии кейнсианско-неоклассического синтеза, идеи которого разрабатывали Дж. Акерлоф, О. Бланшар, Н. Мэнкью, Л. Саммерс, Б. Бернанке и др. (Gali, 2018). При этом современные монетаристы также признают наличие феномена ненейтральности в краткосрочном периоде (Моисеев, 2018).

Неудовлетворительные результаты использования нового кейнсианско-неоклассического подхода при проведении экономической политики усиливают значимость разработки гетеродоксальных макротеорий, которые сегодня складываются благодаря работам посткейнсианских экономистов — М. Калецкого, Дж. Робинсон, Н. Калдора, П. Сраффы, П. Дэвидсона, С. Вайнтрауба, Я. Крегеля, Х. Мински, Б. Мура, Дж. Шэкла и др. (Hein, 2017). Кейнсианская традиция не сводится к рассмотрению макроэкономических процессов, связанных с недостаточностью совокупного спроса и предполагающих вмешательство государства в экономику. В данной традиции макроанализ предусматривает поворот к идеям классической школы, требующей описания макропроцессов с учетом институционального контекста и особой роли денег как институционального феномена. Поэтому современная денежная теория (Modern Monetary Theory, ММТ), которая считается сегодня наиболее системной версией посткейнсианского подхода, опирается на идеи посткейнсианства и нового институционализма, а также разработанной в рамках классической парадигмы теории Маркса (Mitchell et al., 2019).

3. Парадигмальные особенности формирования институционально-эволюционной теории стоимости и денег в рамках классической школы

Произошедший в XX в. под влиянием доминирования неоклассики антиэтический переворот способствовал отождествлению «экономического человека» мейнстрима с «экономическим человеком» А. Смита, упрощенной и искаженной интерпретации классического наследия. Вместе с тем важно учитывать, что Смит и экономисты-классики исходили из заложенной Аристотелем этической традиции, который считал, что обмен товарами должен происходить на основе справедливой цены, обеспечивающей равенства работ (Аристотель, 1983. С. 134). В классической теории рассматривается рыночно-институциональная модель, которая позволяет поддерживать рыночный обмен на справедливой, добровольной и взаимовыгодной основе, обеспечивая устойчивое развитие экономики. Поэтому рыночная цена формируется в результате достижения ценностного согласия и выступает нормой обменов на рынке. Классики в соответствии с аристотелевской традицией изучения дуализма сущности и явления естественную цену рассматривают как справедливую (равновесную) цену; а рыночная цена становится справедливой оценкой меновой ценности товара, зависящей от соотношения спроса и предложения.

Сегодня доминирует утверждение о том, что классическая наука не обладала теорией спроса, которую М. Блауг считает справедливой (Блауг, 1994. С. 284). Однако следует учитывать, что кривая спроса была известна задолго до разработки концепции субъективной полезности. Как отмечает А. Пирс, с появлением цены у людей возникают знания, которые представлены в теории потребительского спроса и в кривой спроса. Он пишет, что утверждения об игнорировании спроса классиками ошибочны, так как представления Смита и Рикардо о связи спроса и предложения не отличаются от представлений Джевонса, Менгера и Маршалла (Пирс, 1981. С. 317). Традиция искаженной интерпретации классической теории была во многом заложена основателями субъективной концепции полезности. Так, ещё А. Маршалл обратил внимание на то, что значительный вред принесло экономической теории искажение У. Джевонсом позиции Д. Рикардо, который якобы упускал из виду спрос в своем исследовании (Маршалл, 1993. С. 283).

К. Маркс на основе предложенного институционально-эволюционного подхода в отличие от индивидуалистической трактовки процесса взаимодействия производителей и покупателей рассматривал его как системно связанный процесс, который поддерживается сочетанием в поведении субъектов общественных (общественных) и индивидуальных характеристик, что обуславливает двойственный характер их мотивов, интересов, целей и результатов деятельности. Поэтому отдельная личность выступает как часть общественной силы, но совместные действия происходят до тех пор, пока они выгодны их участникам (Маркс, 1985. С. 212).

Разработанный Марксом в рамках классической парадигмы подход позволяет изучать эндогенные связи спроса и предложения и поэтому не содержит разрыва между микро- и макроэкономикой. В соответствии с его подходом на основе формирования ценностного согласия участников рынка возникают общепризнанные (общественные) оценки стоимости товара и потребительной ценности (полезности), выступающие институциональными переменными. При этом совокупное предложение товаров характеризует произведенный совокупным работником совокупный продукт общества и измеряется затратами общественного труда. В свою очередь, спрос на все товары зависит от совокупного дохода общества, вы-

ражающего совокупные затраты времени; а потребители удовлетворяют платежеспособные потребности, оплачивая общественную полезность (ценность) приобретаемых товаров частью находящегося в их распоряжении рабочего времени (Маркс, 1985. С. 204). Поэтому с помощью затрат общественного труда измеряется не только рыночная стоимость, но и рыночная цена товаров, которая выражает общественную оценку его полезности. Маркс указывает, что общественная потребность (полезность) — вот что определяет долю общественного труда, которая приходится на разные сферы производства (Маркс, 1986. С. 691–692). Однако количественная определенность общественной потребности эластична и изменчива; обычно спрос меняется в направлении, противоположном ценам (Маркс, 1985. С. 206).

В теории стоимости Маркса в отличие от ее неоклассической версии складывающиеся в экономике агрегированные переменные, которые характеризуют связи спроса и предложения, стоимости и цены товаров, выступают ключевыми институциональными инструментами эндогенного механизма реализации правил рынка как экономического института. Возникающие при этом связи проявляются в графиках кривых. Так, кривая предложения выражает рост затрат общественного труда на производство товара с увеличением объемов его выпуска, а кривая спроса — уменьшение общественной ценности времени, связанного с приобретением товара, с увеличением его предложения. Достижение общего равновесия означает появление сбалансированной структуры экономики, обеспечивающей рациональное использование ресурсов в соответствии со сложившимися общественными потребностями и наибольший уровень благосостояния общества. Поэтому продажа товаров по их стоимости есть рациональный принцип, естественный закон их равновесия (Маркс, 1985. С. 205).

Происходящий поворот к идеям классической школы при разработке монетарных теорий сопровождается усилением внимания к аристотелевской интерпретации денег как измерителя ценности и символического феномена (Crespo, 2021). По Аристотелю, деньги (монета) являются эндогенным институциональным феноменом; они появляются по уговору между людьми, их использование позволяет соизмерять выполненные работы и поддерживать справедливость обмена. В рамках аристотелевской традиции А. Смит рассматривал труд в качестве основы меновой стоимости товаров и этим объяснял формирование на рынке цен с помощью денег, выступающих всеобщим эквивалентом. Маркс на основе институционально-эволюционного подхода предложил эндогенную монетарную теорию и заложил основы изучения монетарных механизмов деловых циклов. Деньги им рассматриваются как проявления меры стоимости товаров — общественного рабочего времени (Маркс, 1988. С. 104). В ходе эволюции форм стоимости в силу общественной привычки золото приобретает особые общественные свойства и выполняет роль денег; а институциональная природа денег позволяет использовать их бумажный символ. При этом общественную значимость бумажные деньги получают на основе государственного принуждения (Маркс, 1988. С. 140).

Маркс рассматривал деньги как важный элемент институционального механизма экономических взаимодействий, складывающихся в краткосрочном и долгосрочном периодах. В связи с этим он выступил с критикой «догмата, будто товарное обращение обязательно создает равновесие между куплями и продажами» (Маркс, 1988. С. 123). Предложенная в «Капитале» формула денежного обращения,

включающая сумму цен товаров, лучше описывает этот процесс по сравнению с распространенными формулами, использующими показатель валового внутреннего продукта (ВВП) (Бурлачков, 2009). В капиталистической экономике, как показал Маркс, у денег появляется дополнительная функция, связанная с их способностью превращаться в капитал, а рыночная цена приобретает новую институциональную форму — цену производства. При этом в экономике складываются долговременные деловые циклы, которые обусловлены обновлением основного капитала и сопровождаются кризисами из-за институциональных дисфункций, порождающих диспропорции между производством и доходами населения. В теории обращения капитала Маркс раскрыл процесс превращения денежного капитала в другие формы; изложенные им положения, как пишет В.И. Маевский, были использованы при построении теории и модели переключающегося режима воспроизводства капитала (Маевский, 2021. С. 12).

В рамках классической парадигмы Маркс предложил подход к анализу стоимости и денег, основанный на фокусировании внимания лишь на количественной оценке затрат общественного труда в соответствии с классической традицией, что определило особенности проблем, возникающих при интерпретации стоимости и денежных систем. Так, он отрицал влияние количества денег на их ценность. Как и у каждой научной теории, у теории Маркса имеются недостатки; вместе с тем в условиях складывающейся сегодня новой волны разработки монетарных теорий возрастает значимость идей предложенного Марксом институционально-эволюционного подхода.

4. Институциональные альтернативы разработки современных монетарных теорий

Сложившиеся сегодня кейнсианские версии монетарных теорий мейнстрима опираются на использование элементов классической и неоклассической методологий, что порождает их фундаментальные изъяны. Важнейшая неразрешимая проблема разработки реалистичной стратегии изучения монетарных систем в рамках современного мейнстрима связана с тем, что с позиции методологического индивидуализма макропараметры выступают экзогенными; они бессмысленны в связи с отсутствием у общества своей системы предпочтений и оценивания макропроцессов (Некипелов, 2019. С. 27–30). Фактически макропоказатели сторонники теорий мейнстрима заимствовали из классической политэкономии, в которой они обладают эндогенным статусом. Вместе с тем в классической теории сложились разные представления об общественном продукте как ключевом макропоказателе. Так, Смит справедливо считал, что общественный продукт характеризует затраты труда, произведенные только в текущем году; но он полагал, что данный продукт выражает сумму доходов в виде заработной платы, прибыли и ренты. В свою очередь, Маркс писал, что Смит не учитывает постоянный капитал, использованный для создания совокупного продукта. Однако Маркс, как показал В. Маевский, не обратил внимание на то, что затраты на воспроизводство основного капитала являются частью затрат труда текущего года, образующих состав ВВП (Маевский, 2010). Следует отметить, что Кейнс, опираясь на классические традиции, рассматривал в качестве измерителя объема выпускаемой продукции в масштабе экономики при заданных размерах капитального оборудования показатель занятости, являющийся аналогом показателя затрат совокупного времени общества (Кейнс, 1993. С. 164).

Для прояснения феномена денег важно учитывать, что аристотелевское понимание исходило из того, что деньги (монета) являются мерой выполненной полезной работы, на основе которой устанавливается справедливость обмена товарами; а величина выполненной работы (в экономическом смысле) зависит как от количества труда, так и от его производительности. Классики политэкономии полагали, что равенство работ достигается при обмене на основе равенства количества затрат труда, оцениваемых исходя из среднего уровня его производительности (и сложности). Вместе с тем Смит считал, что для роста результатов годового труда нации необходимо повышение его производительности за счет развития разделения труда. Маркс также писал, что с ростом производительности труда увеличивается совокупный результат полезных работ, создается большее количество потребительной стоимости и вещественного богатства (Маркс, 1988. С. 50, 55). Поэтому в соответствии с логикой теории трудовой стоимости величина реального годового продукта Y определяется величиной выполненной полезной работы общества, т. е. производительностью труда A и затратами совокупного времени T , или

$$Y = A \times T. \quad (1)$$

В свою очередь, номинальная величина общественного продукта Z зависит от его реальной величины Y и покупательной способности денежной единицы P , т. е.

$$Z = P \times Y \quad (2)$$

или

$$Z = P \times A \times T. \quad (3)$$

Поэтому принятая в обществе денежная единица Zm как институциональная переменная характеризует часть его годового продукта, величина которой зависит от покупательной способности денег P и соответствующей части реального продукта Ym , т. е.

$$Zm = P \times Ym \quad (4)$$

или

$$Zm = P \times A \times tm \quad (5)$$

где tm — затраты времени общества на создание реального продукта Ym .

Таким образом, в соответствии с аристотелевской традицией деньги как экономический институт выступают измерителем выполненной полезной работы; они являются общепринятым символом некоторой части валового внутреннего продукта, затраты времени общества на производство которой зависят от уровня его производительности труда. Данное понимание денег позволяет с их помощью оценивать возникающие во времени и пространстве различия в ценности благ, а также более содержательно рассматривать другие функции денег.

Использование соответствующего классической традиции подхода позволяет изучать монетарные механизмы развития экономики как сложной системы эндогенных связей, воспроизводство которых происходит в процессе взаимодействия субъектов, выступающих носителями одновременно общих и частных экономических ценностей и интересов. Деньги являются уникальным институциональным феноменом; с их помощью на основе конструирования общих ценностно-нормативных представлений происходит формирование рыночных цен и других агрега-

тов, являющихся институциональными переменными, а также новых норм и правил на разных уровнях экономики, способствующих координации множества целей субъектов. Вместе с тем для монетарных теорий мейнстрима складывающиеся в ходе экономико-коммуникативных практик разнообразные институциональные феномены обладают экзогенным статусом, интерпретация их роли в экономических процессах неизбежно остается ограниченной и полемичной.

Монетарные теории мейнстрима, рассматривающие макропоказатели экзогенными переменными, неизбежно и деятельность государства по их формированию интерпретируют как экзогенную деятельность субъекта, находящегося вне экономической системы. Опора на классическую парадигму способствует изучению эндогенных по своей природе монетарных механизмов развития экономики, возникающих под влиянием неформальных норм и создаваемых государством формальных институтов. В связи с этим появляется возможность рассматривать государство в качестве специфического субъекта экономической системы, выступающего регулятором ее институциональных связей (Бирюков, 2020). Важной функцией государства является поддержание институциональной надежности развития денежной системы и регулирование макропоказателей с учетом ожидаемых изменений институциональной среды в краткосрочном и долгосрочном периодах.

Сегодня сторонники макротеорий мейнстрима исходят из того, что кредитно-денежная политика является доминирующим методом регулирования экономики в краткосрочном периоде и поддержания финансовой стабилизации. Ее основой выступает новый кейнсианско-неоклассический синтез, который опирается на модель динамического стохастического общего равновесия (*Dynamic Stochastic General Equilibrium, DSGE*), представляющую собой неоклассическую модель краткосрочного реального делового цикла (*RBC*) с элементами кейнсианской теории; в ней используются уравнения *IS* (инвестиции-сбережения) с учетом ожиданий, модифицированная кейнсианская кривая Филлипса и правила монетарной политики. Критики указывают на наличие у *DSGE*-моделей теоретико-методологических проблем, вызывающих противоречия при применяемых предпосылках, политико-экономических ограничений, связанных с опорой на нереалистичные предпосылки при выработке рекомендаций, и эмпирических проблем, обусловленных потребностью привлечения большего количества ненаблюдаемых данных, чем наблюдаемых (Фаджиоло, Ровентини, 2009). Как утверждает П. Дэвидсон, утвердившаяся в мейнстриме новая кейнсианско-неоклассическая теория свидетельствует о том, что кейнсианская революция, если рассматривать ее как разрыв с неоклассическим мышлением, не состоялась (Дэвидсон, 2006. С. 83).

Возрождение кейнсианского подхода Дэвидсон фактически связывает с поворотом к идеям классической школы. В рамках предлагаемого гетеродоксального подхода он считает важным отказаться от использования неоклассической теории занятости и заработной платы (Дэвидсон, 2006). При этом функция совокупного предложения (*Z*), интерпретирующая процесс создания совокупной добавленной стоимости, рассматривается в виде зависимости совокупной выручки от покупательной способности денег (*P*), производительности труда (*A*) и показателя занятости (*T*), характеризующего затраты времени занятых в экономике. Функция совокупного спроса *D* выражает расходы на покупку потребительских и инвестиционных благ и включает два подмножества: расходы *D_c*, зависящие от величины совокупного дохода, и, следовательно, от показателя занятости *T_c*, а также расходы

D_i , соответствующие спросу на инвестиции и связанные с затратами совокупного времени T_i , т. е.

$$D_c = P \times A \times T_c, \quad (6)$$

$$D_i = P \times A \times T_i. \quad (7)$$

Отвергая упрощенный кейнсианско-неоклассический синтез, Дэвидсон предлагает изучать взаимодействие совокупного спроса и предложения исходя из сложности реальной экономики и значимой роли денег в коротком и длительном отрезках времени, что предусматривает необходимость создания благоприятных условий для заимствования предпринимателями средств в банковской системе, а также учета возможностей позитивного влияния государственных расходов на формирование спроса на потребительские и инвестиционные блага.

Поиск более реалистичных подходов к проведению экономической политики приводит к росту негативного отношения к ортодоксальным теориям, опирающимся на положение о нейтральности денег в долгосрочном периоде. Так, Э. Кам с коллегами в своей статье дают объяснение долгосрочной ненейтральности денежно-кредитной политики при использовании модели динамического общего равновесия (*DGE*) с микрооснованиями (Kam et al, 2019). В. И. Маевский и А.А. Рубинштейн обращают внимание на то, что не только с помощью эконометрики, но и на основе имитационной модели переключающегося режима воспроизводства (модели ПРВ) была доказана возможность появления в долгосрочном периоде при одинаковом темпе эмиссии разных сочетаний темпов роста ВВП и инфляции. В модели феномен ненейтральности денег зависит от распределения денежной выручки реального сектора на цели потребления и на цели накопления, определяющих размер инвестиций в основной капитал (Маевский, Рубинштейн, 2021).

Пересмотр ортодоксальных подходов, связанных с «институциональной слепотой», предполагает разработку реалистичного видения макропроцессов с учетом их институциональной сложности и противоречивости, изменчивости институтов в краткосрочном и долгосрочном периодах, а также зависимости от прошлого пути развития. Развитие современной экономики важно изучать как нелинейный, многовариантный и многоуровневый по своей природе процесс инновационных изменений. Так, в краткосрочном периоде в условиях «феномена номинальных жесткостей» важным становится выбор институциональных правил, фискальных и монетарных ориентиров (нормативов) и инструментов, которые обеспечивают реализацию наиболее эффективного варианта использования инновационно-производственного потенциала и незанятой рабочей силы, а также формирования условий для накопления материальных и нематериальных активов. В долгосрочном периоде значительно расширяется пространство возможностей изменения институциональных рамок и проведения различных вариантов структурных перемен в экономике, связанных с распределением ресурсов на цели потребления и инвестирования. Вместе с тем в условиях дисфункциональности институтов складывается монетарный порядок, позволяющий контролировать доминирующим группам финансовые потоки и перераспределять доходы; хотя механизмы власти во многом скрываются (Ефимов, 2018. С. 15). При этом чем выше уровень дисбаланса экономических интересов, тем больше макропроблем появляется в экономике.

В последние годы наблюдается формирование новой волны конструирования монетарных теорий во многом под влиянием создания современной денежной теории, которая возникла на основе работ У. Мослера, Р. Рея, С. Келтона, П. Черневой, Дж. Гэлбрейта, У. Митчелла, М. Уоттса и др. Странники *ММТ* указывают, что общество оказалось жертвой устаревшей экономической доктрины, а ортодоксальная риторика спекулирует на неполном понимании реалий современной экономики (Connors, Mitchell, 2016. P. 259). В рамках данной теории правительство выступает субъектом экономики, а центральный банк является агентом правительства, финансирующим правительственные расходы в целях обеспечения занятости и экономического роста; особая роль в контроле над инфляцией придается не денежно-кредитной, а налогово-бюджетной политике, регулированию налогов и выпуску государственных облигаций. Сегодня целый ряд ученых поддерживают новую монетарную теорию, но многие ее резко критикуют (Моисеев, 2019). Вместе с тем в условиях возникновения принципиально новых вызовов наблюдается признание ограниченности денежно-кредитных мер и важности налогово-бюджетных инструментов, реализуемых в рамках антикризисных программ количественного и кредитного смягчения. Поэтому происходит рост числа ведущих стран мира и развивающихся стран, в которых используются отдельные рекомендации новой макротeorии.

Предпринимаемые попытки по восстановлению экономического роста с помощью перехода к более гибкой бюджетной и денежной политике в рамках традиционной модели не соответствуют складывающимся в современной экономике сложным структурным изменениям и не дают ожидаемых результатов. Критики ортодоксальных методов и подходов указывают на их ограниченность и важность решения институциональных проблем, которые вызваны реализацией неolibе-рального проекта, связанного с ослаблением регулирования финансовых рынков, ростом в экономике квазиденег, финансовых пузырей и социального неравенства, а также роли крупных корпораций и ключевых финансовых групп. При этом слишком многие сделали свое богатство за счет эксплуатации других, а не за счет создания богатства (Stiglitz, 2019; Колодко, 2020).

Пересмотр парадигмальных рамок монетарных теорий мейнстрима, слабо связанных с реальными процессами, ориентирует на поиск гетеродоксальных методов проведения монетарной политики, способствующей росту ВВП с учетом того, что деньги всегда используются в рамках определенных социально-экономических отношений, которые порождают разные виды денежных систем под влиянием своеобразия исторического развития отдельных стран. Опора на ортодоксальные теории мейнстрима приводит к реализации в нашей стране жесткого бюджетного и денежного курса, связанного с абсолютизацией значимости борьбы с инфляцией в ущерб формированию механизмов экономического роста и обеспечения должного суверенитета экономики. В связи с этим возникают не соответствующие реалиям приоритеты развития, монетарные ориентиры и методы их достижения, происходит замораживание огромных валютных ресурсов и торможение экономического роста. Так, в среднем за 2011–2020 гг. темпы прироста ВВП в нашей стране составляли лишь 1,1 % и были в 2 раза ниже среднемирового показателя. В связи с этим В.И. Маевский и А.А. Рубинштейн указывают на ключевое значение для проведения успешной экономической политики достижения компромисса между экономическим ростом и инфляцией (Маевский, Рубинштейн, 2021).

Складывающаяся волна концептуального пересмотра российской монетарной политики, возникшая в контексте происходящего переосмысления монетарных теорий мейнстрима, сопровождается обсуждением предложений современной денежной теории (ММТ), в ходе которого анализируются нетрадиционные инструменты монетарной политики, включая «вертолетные деньги», целевое рефинансирование и другие перспективные инструменты, а также указывается на важность применения гибридных фискально-монетарных инструментов (Горюнов и др., 2021). Вместе с тем поиск ответа на сложившиеся в российской экономике угрозы развития стагфляционных процессов требует признания исчерпания потенциала традиционной модели использования мер бюджетной и денежной политики и необходимости проведения институциональных изменений в краткосрочном и долгосрочном периодах, ориентированных на формирование адекватных российским реалиям механизмов устойчивого развития экономики на основе устранения наиболее значимых институциональных дисфункций в регулировании финансово-экономических потоков.

В условиях радикального изменения природы и характера глобальной конкуренции актуализируется потребность парадигмального пересмотра упрощенных представлений о месте и роли Центрального банка России в решении проблем развития национальной экономики и обеспечения соответствующего реалиям уровня ее экономического суверенитета. В связи с этим важными являются предложения возложить на Банк России задачи по стимулированию экономического роста, которые обосновываются с точки зрения особенностей инфляционного таргетирования, аргументов в пользу использования показателей роста и целесообразности формирования компромиссных решений при множественности целевых ориентиров.

5. Выводы

Альтернативные стратегии развития современных монетарных теорий определяются особенностями формирования их парадигмальных рамок, которые связаны с признанием институциональной природы денег и использованием различных версий кейнсианской концепции. Парадигмальная ограниченность ортодоксальных теорий обуславливается опорой на методологический индивидуализм, но сторонники данных теорий не подвергают сомнению свой исследовательский фундамент. В связи с этим институты, а также деньги, как специфический институциональный феномен, выступают экзогенными факторами, что приводит к появлению эклектичных теоретических построений. В результате парадигмальной ограниченности на основе неоклассической версии теории стоимости невозможно объяснить появление рыночной цены как институциональной переменной, а в монетарных теориях мейнстрима макроэкономические показатели являются экзогенными, лишенными экономического смысла терминами.

Современная волна конструирования институциональных стратегий монетарных теорий свидетельствует о повышении значимости классической парадигмы и разработанной Марксом институционально-эволюционной теории денег. Представленный подход к анализу монетарных механизмов развития экономики исходит из необходимости пересмотра традиционных парадигмальных рамок их видения, что способствует изучению эндогенных связей макроэкономических параметров, а также денег как институционального феномена, позволяющего из-

мерять величину выполненной полезной работы и соответствующей части ВВП. Современные вызовы, порожденные пандемией коронавируса и системными проблемами, требуют смены модели экономической политики на основе отказа от неоклассических мифов и использования идей классической политэкономии, ориентирующих на описание сложного влияния на экономику институциональных факторов, порождающих появление феномена ненейтральности денег в краткосрочном и долгосрочном периодах. Важно признать особую значимость проведения адекватных реалиям институциональных изменений для формирования успешной модели развития национальной экономики, в рамках которой становится возможным конструирование налогово-бюджетной политики и денежно-кредитных регуляторов монетарных процессов, обеспечивающих достижение справедливого баланса частных и общих интересов.

Список источников

- Ананьин О. И. Экономические онтологии и экономические институты // Федерализм. 2013. № 1. С. 75–100.
- Аристотель. Сочинения в четырех томах. Т. 4. М.: Мысль, 1983. 830 с.
- Баумоль У. Чего не знал Альфред Маршалл: вклад XX столетия в экономическую теорию // Вопросы экономики. 2001. № 2. С. 73–107.
- Бирюков В. Ценности, институты и экономическое развитие // Общество и экономика. 2020. № 4. С. 5–24. DOI: 10.31857/S020736760009149-2.
- Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. М.: Дело ЛТД, 1994. 687 с.
- Бурлачков В. Воспроизводство и монетарная сфера (о статье А. Навоя «О роли и месте эмиссии центрального банка в воспроизводственных процессах») // Вопросы экономики. 2009. № 5. С. 129–135. DOI: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2009-5-129-135>.
- Бьерг У. Как делаются деньги? Философия посткредитного капитализма. М.: Ад Маргинем Пресс, 2018. 312 с.
- Винер Дж. Концепция полезности в теории ценности и ее критики // Вехи экономической мысли. Теория потребительского поведения и спроса. Т. 1. / Под ред. В.М. Гальперина. СПб.: Экономическая школа. 2000. 380 с.
- Горюнов Е. Л., Дробышевский С. М., Мау В. А., Трунин П. В. Что мы (не) знаем об эффективности инструментов ДКП в современном мире // Вопросы экономики. 2021. № 2. С. 5–34. DOI: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2021-2-5-34>.
- Дубянский А. Н. Государственная теория денег Г. Кнаппа: история и современные перспективы // Вопросы экономики. 2015. № 3. С. 109–125. DOI: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2015-3-109-125>.
- Дэвидсон П. Посткейнсианская школа в макроэкономической теории // Вопросы экономики. 2006. № 8. С. 82–101. DOI: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2006-8-82-101>.
- Дятел Е. П. Статус экономической теории как научной и учебной дисциплины // Журнал экономической теории. 2021. Т. 18, № 3. С. 374–388. DOI: <https://doi.org/10.31063/2073-6517/2021.18-3.4>.
- Ефимов В. М. О двух типах социальных порядков (Часть 1. Окончание в следующем номере) // Вопросы теоретической экономики. 2018. № 1. С. 7–25.
- Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег // Антология экономической классики / Сост. И. А. Столяров. В 2-х т. Т. 2. М.: Эконов, 1993. 485 с.
- Кирдина-Чэндлер С. Г. О деньгах и социальных порядках (размышления над статьей В.М. Ефимова) // Вопросы теоретической экономики. 2019. № 2. С. 32–42. DOI: 10.24411/2587-7666-2019-10203.
- Колодко Гж. В. Последствия. Экономика и политика в постпандемическом мире // Вопросы экономики. 2020. № 5. С. 25–44. DOI: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2020-5-25-44>.
- Маевский В. Кругооборот основного капитала и экономическая теория // Вопросы экономики. 2010. № 3. С. 65–85. DOI: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2010-3-65-85>.

Маевский В. И. О базовых предпосылках не-нейтральности денег в экономической теории // Журнал институциональных исследований. 2021. Т. 13, № 1. С. 6–19. DOI: 10.17835/2076-6297.2021.13.1.006-019.

Маевский В. И., Рубинштейн А. А. Концепция макроэкономической политики компромисса между инфляцией и ростом // Журнал экономической теории. 2021. Т. 18, № 4. С. 485–496. DOI: <https://doi.org/10.31063/2073-6517/2021.18-4.1>.

Маркс К. Капитал. Т. 1. М.: Политиздат, 1988. 891 с.

Маркс К. Капитал. Т. 3. Ч. 1. М.: Политиздат, 1985. 508 с.

Маркс К. Капитал. Т. 3. Ч. 2. М.: Политиздат, 1986. 1080 с.

Маршалл А. Принципы политической экономии. В 3-х т. Т. 3. М.: Прогресс, 1993. 352 с.

фон Мизес Л. Теория денег и кредита. Челябинск: Социум, 2012. 808 с.

Моисеев С. Р. «Ренессанс» монетаризма: чем жила знаменитая теория в 2000–2018 годах // Вопросы экономики. 2018. № 1. С. 26–44. DOI: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2018-1-26-44>.

Моисеев С. Р. Хайп вокруг (не)денежной (не)теории // Вопросы экономики. 2019. № 9. С. 112–122. DOI: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-9-112-122>.

Некителов А. Д. Кризис в экономической науке — природа и пути преодоления // Вестник Российской академии наук. 2019. Т. 89. № 1. С. 24–37. DOI: <https://doi.org/10.31857/S0869-587389124-37>.

Пирс А. Теория спроса, рента и суверенитет потребителя // Современная экономическая мысль / Ред.: *Афанасьева В. С.* и *Энтова Р. М.* М.: Прогресс, 1981. 815 с.

Полтерович В. М. Становление общего социального анализа // Общественные науки и современность. 2011. № 2. С. 101–111.

ван Ставерен И. Этика эффективности // Вопросы экономики. 2009. № 12. С. 58–71. DOI: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2009-12-58-71>.

Сухарев О. С. Институционализм: расцвет или упадок? // Общество и экономика. 2021. № 11. С. 18–43. DOI: <https://doi.org/10.31857/S023620070017484-9>.

Фаджиоло Д., Ровентини А. О научном статусе экономической политике: повесть об альтернативных парадигмах // Вопросы экономики. 2009. № 6. С. 24–47. DOI: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2009-6-24-47>.

Фролов Д. П. Постинституционализм: за пределами институционального мейнстрима // Вопросы экономики. 2020. № 5. С. 107–140. DOI: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2020-5-107-140>.

Хэндс У. Нормативная теория рационального выбора: прошлое, настоящее, будущее // Вопросы экономики. 2012. № 10. С. 52–75. DOI: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2012-10-52-75>.

Шумпетер Й. История экономического анализа : пер. с англ. под ред. В. С. Автономова, в 3-х т. Т. 3. СПб.: Экономическая школа, 2001. 688 с.

Эрроу К. Дж. К теории ценового приспособления // Вехи экономической мысли. Т. 2. Теория фирмы / Под ред. В. М. Гальперина. СПб.: Экономическая школа, 1995. 534 с.

Alvesson M., Spicer A. Neo-institutional theory and organization studies: A mid-life crisis? // Organization Studies. 2019. Vol. 40, No. 2. P. 199–218. DOI: <https://doi.org/10.1177/0170840618772610>.

Coccia M. An introduction to the theories of Institutional change // Journal of Economics Library. 2018. Vol 5, No. 4. P. 337–344. DOI:10.1453/jel.v5i4.1788.

Connors L., Mitchell W. Framing Modern Monetary Theory // Journal of Post Keynesian Economics. 2017. Vol. 40, No. 2. P. 239–259. DOI: <https://doi.org/10.1080/01603477.2016.1262746>.

Crespo R. On money as a conventional sign: revisiting Aristotle's conception of money // Journal of Institutional Economics. 2021. Vol. 17, No. 3. P. 459–471. DOI: <https://doi.org/10.1017/S1744137420000570>.

Davis A. E. Money as a Social Institution. The Institutional Development of Capitalism. London: Routledge, 2017. 208 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781315671154>.

Elder-Vass D. No price without value: towards a theory of value and price // Cambridge Journal of Economics. 2019. Vol. 43, No. 6. P. 1485–1498. DOI: <https://doi.org/10.1093/cje/bez040>.

Felin T., Foss N. Microfoundations for institutional theory? // Microfoundations of Institutions (Research in the Sociology of Organizations). Vol. 65B. In *Haack P., Sieweke J., Wessel L.* (Eds.)

Bingley: Emerald Publishing Limited, 2019. P. 393–408. DOI: <https://doi.org/10.1108/s0733-558X2019000065B031>).

Galí J. The State of New Keynesian Economics: A Partial Assessment // *Journal of Economic Perspectives*. 2018. Vol. 32, No 3. P. 87–112. DOI: 10.1257/jep.32.3.87.

Harmon D., Haack P., Roulet T. Microfoundations of institutions: A matter of structure vs. agency or level of analysis? // *Academy of Management Review*. 2019. Vol. 44, No. 2. P. 464–467. DOI: <https://doi.org/10.5465/amr.2018.0080>.

Hein E. Post-Keynesian macroeconomics since the mid 1990s: Main developments // *European Journal of Economics and Economic Policies: Intervention*. 2017. Vol. 14, No. 2. P. 131–172. DOI: <https://doi.org/10.4337/ejeep.2017.02.01>.

Hodgson G. M. On fuzzy frontiers and fragmented foundations: Some reflections on the original and new institutional economics // *Journal of Institutional Economics*. 2014. Vol. 10, No. 4. P. 591–611. DOI: <https://doi.org/10.1017/S1744137414000307>.

Huber J. *Sovereign Money. Beyond Reserve Banking*. London: Palgrave Macmillan Cham, 2017. 206 p. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-3-319-42174-2>.

Jakab Z., Kumhof M. Banks are not intermediaries of loanable funds — and why this matters // *Bank of England Working Paper*. 2015. No. 529. DOI: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2612050>.

Kam E., Smithin J., Tabassum A. The Long-Run Non-Neutrality of Monetary Policy: A General Statement in Dynamic General Equilibrium Model // *Review of Political Economy*. 2019. Vol. 31, No. 2. P. 178–193. DOI: <https://doi.org/10.1080/09538259.2019.1642551>.

Lawson T. The Constitution and Nature of Money // *Cambridge Journal of Economics*. 2018. Vol. 42, No. 3. P. 851–873. DOI: <https://doi.org/10.1093/cje/bey005>.

Lo A. Y., Spash C. L. Deliberative monetary valuation: in search of a democratic and value plural approach to environmental policy // *Journal of Economic Surveys*. 2013. Vol. 27, No. 4. P. 768–789. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-6419.2011.00718.x>

Milonakis D., Fine B. *From Political Economy to Economics: Method, the Social and the Historical in the Evolution of Economic Theory*. London; New York: Routledge, 2009. 374 p.

Mitchell W., Wray L. R., Watts W. *Macroeconomics*. London, UK: Macmillan; Red Globe Press, 2019. 604 p.

Murray P. *The Mismeasure of Wealth. Essays on Marx and Social Form*. Chicago: Haymarket Books, 2018. 568 p.

Reder M. W. *Studies in the Theory of Welfare Economics*. New York: Columbia University Press, 1947. 208 p.

Scitovsky T. *Welfare and Competition*. London: Allen and Unwin Ltd, 1952. 457 p.

Stigler G. The development of utility theory. I. // *Journal of Political Economy*. 1950. Vol. 58, No. 4. P. 307–327. DOI: <https://doi.org/10.1086/256962>.

Stiglitz J. E. *People, power, and profits: Progressive capitalism for an age of discontent*. New York; London: W. W. Norton & Company, 2019. 366 p.

Whaley L. The critical institutional analysis and development (CIAD) framework // *International Journal of the Commons*. 2018. Vol. 12, No. 2. P. 137–161. DOI: <http://doi.org/10.18352/ijc.848>.

References

Alvesson, M. & Spicer, A. (2019). Neo-institutional theory and organization studies: A mid-life crisis? *Organization Studies*, 40(2), 199–218. <https://doi.org/10.1177/0170840618772610>.

Anan'yin, O. I. (2013). Ekonomicheskie ontologii i ekonomicheskie instituty [Economic ontologies and economic institutions]. *Federalizm [Federalism]*, 1, 75–100. (In Russ.)

Aristotle (1983). *Sochineniya v chetyrekh tomakh [The works in four volumes]*. Vol. 4. Moscow, Russia: Mysl', 830. (In Russ.)

Arrow, K. J. (1995). K teorii cenovogo prisposobleniya [Toward a theory of price adjustment]. *Vehi ekonomicheskoy mysli. Teoriya firmy [Milestones of economic thought. Theory of the firm]*. In V. M. Gal'perin (Eds.). Vol. 2. St. Petersburg, Russia: Ekonomicheskaya shkola, 534. (In Russ.)

- Baumol, W. (2001). Chego ne znal Alfred Marshall: vklad XX stoletiya v ekonomicheskuyu teoriyu [What Marshall Didn't Know: On the Twentieth Century's Contributions to Economics]. *Voprosy ekonomiki*, 2, 73–107. (In Russ.)
- Biryukov, V. (2020). Cennosti, instituty i ekonomicheskoe razvitiye [Values, institutions and economic development]. *Obshchestvo i ekonomika [Society and Economics]*, 4, 5–24. DOI: 10.31857/S020736760009149-2. (In Russ.)
- Bjerg, O. (2018). *Kak delayutsya den'gi? Filosofiya postkreditnogo kapitalizma [Making Money: The Philosophy of Crisis Capitalism]*. Moscow, Russia: Ad Marginem Press, 312. (In Russ.)
- Blaug, M. (1994). *Ekonomicheskaya mysl' v retrospective [Economic theory in Retrospect]*. Moscow, Russia: Delo LTD, 687. (In Russ.)
- Burlachkov, V. (2009). Vosproizvodstvo i monetarnaya sfera (o stat'e A. Navoya «O roli i meste emissii tsentral'nogo banka v vosproizvodstvennykh protsessakh») [Reproduction and monetary sphere (On the Paper by A. Navoi «On the Role and Place of the Central Bank Money Emission...»)]. *Voprosy ekonomiki*, 5, 129–135. DOI: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2009-5-129-135>. (In Russ.)
- Coccia, M. (2018). An introduction to the theories of Institutional change. *Journal of Economics Library*, 5(4), 337–344. DOI:10.1453/jel.v5i4.1788.
- Connors, L. & Mitchell, W. (2017). Framing Modern Monetary Theory. *Journal of Post Keynesian Economics*, 40(2), 239–259. DOI: <https://doi.org/10.1080/01603477.2016.1262746>.
- Crespo, R. (2021). On money as a conventional sign: revisiting Aristotle's conception of money. *Journal of Institutional Economics*, 17(3), 459–471. DOI: <https://doi.org/10.1017/S1744137420000570>.
- Davidson, P. (2006). Postkeynsianskaya shkola v makroekonomicheskoy teorii [The Post Keynesian School in macroeconomic theory]. *Voprosy ekonomiki*, 8, 82–101. DOI: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2006-8-82-101>. (In Russ.)
- Davis, A. E. (2017). *Money as a Social Institution. The Institutional Development of Capitalism*. London: Routledge, 208. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781315671154>.
- Dubyansky, A. N. (2015). Gosudarstvennaya teoriya deneg G. Knappa: istoriya i sovremennye perspektivy [G. Knapp's state theory of money: history and current perspectives]. *Voprosy ekonomiki*, 3, 109–125. DOI: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2015-3-109-125>. (In Russ.)
- Dyatel, E. P. (2021). Status ekonomicheskoy teorii kak nauchnoy i uchebnoy discipliny [The status of economic theory as a scientific and educational discipline]. *Zhurnal ekonomicheskoy teorii [Russian Journal of Economic Theory]*, 18(3), 374–388. DOI: <https://doi.org/10.31063/2073-6517/2021.18-3.4>. (In Russ.)
- Elder-Vass, D. (2019). No price without value: towards a theory of value and price. *Cambridge Journal of Economics*, 43(6), 1485–1498. DOI: <https://doi.org/10.1093/cje/bez040>.
- Fagiolo, G. & Roventini, A. (2009). O nauchnom statuse ekonomicheskoy politike: povest' ob al'ternativnykh paradigmakh [On the Scientific Status of Economic Policy: A Tale of Alternative Paradigms]. *Voprosy ekonomiki*, 6, 24–47. DOI: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2009-6-24-47>. (In Russ.)
- Felin, T. & Foss, N. (2019). Microfoundations for institutional theory? *Microfoundations of Institutions (Research in the Sociology of Organizations)*. Vol. 65B. In Haack P., Sieweke J. & Wessel L. (Eds.). Bingley: Emerald Publishing Limited, 393–408. DOI: <https://doi.org/10.1108/S0733-558X2019000065B031>.
- Frolov, D. P. (2020). Postinstitucionalizm: za predelami institucional'nogo meynstrima [Post-institutionalism: Beyond the Institutional Mainstream]. *Voprosy ekonomiki*, 5, 107–140. DOI: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2020-5-107-140>. (In Russ.)
- Galí, J. (2018). The State of New Keynesian Economics: A Partial Assessment. *Journal of Economic Perspectives*, 32(3), 87–112. DOI: 10.1257/jep.32.3.87.
- Goryunov, E. L., Drobyshevsky, S. M., Mau, V. A. & Trunin, P. V. (2021). Cho my (ne) znaem ob effektivnosti instrumentov DKP v sovremennom mire [What do we (not) know about the effectiveness of the monetary policy tools in the modern world?]. *Voprosy ekonomiki*, 2, 5–34. DOI: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2021-2-5-34>. (In Russ.)

Hands, W. (2012). Normativnaya teoriya racional'nogo vybora: proshloe, nastoyashchee, budushhee [Normative rational choice theory: past, present, future]. *Voprosy ekonomiki*, 10, 52–75. DOI: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2012-10-52-75>. (In Russ.)

Harmon, D., Haack, P. & Roulet, T. (2019). Microfoundations of institutions: A matter of structure vs. agency or level of analysis? *Academy of Management Review*, 44(2), 464–467. DOI: <https://doi.org/10.5465/amr.2018.0080>.

Hein, E. (2017). Post-Keynesian macroeconomics since the mid 1990s: Main developments. *European Journal of Economics and Economic Policies: Intervention*, 14(2), 131–172. DOI: <https://doi.org/10.4337/ejeep.2017.02.01>.

Hodgson, G. M. (2014). On fuzzy frontiers and fragmented foundations: Some reflections on the original and new institutional economics. *Journal of Institutional Economics*, 10(4), 591–611. DOI: <https://doi.org/10.1017/S1744137414000307>.

Huber, J. (2017). *Sovereign Money. Beyond Reserve Banking*. London: Palgrave Macmillan Cham, 206. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-3-319-42174-2>.

Jakab, Z. & Kumhof, M. (2015). Banks are not intermediaries of loanable funds — and why this matters. *Bank of England Working Paper*, 529. DOI: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2612050>.

Kam, E., Smithin, J. & Tabassum, A. (2019). The Long-Run Non-Neutrality of Monetary Policy: A General Statement in Dynamic General Equilibrium Model. *Review of Political Economy*, 31(2), 178–193. DOI: <https://doi.org/10.1080/09538259.2019.1642551>.

Keynes, J. M. (1993). Obshhaya teoriya zanyatosti, procenta i deneg [The general theory of employment, interest and money]. In A. I. Stolyarov (Eds.). *Antologiya ekonomicheskoy klassiki [Anthology of economic classics]*. Vol. 2. Moscow, Russia: Ekonov, 485. (In Russ.)

Kirdina-Chandler, S. G. (2019). O dengakh i socialnykh porjadkakh (razmyshleniya nad statiyoj V.M. Efimova) [About money and social orders (reflections on the article of V. M. Efimov)]. *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki [Theoretical Economics]*, 2, 32–42. DOI: 10.24411/2587-7666-2019-10203. (In Russ.)

Kolodko, G. W. (2020). Posledstviya. Ekonomika i politika v postpandemicheskom mire [After. Economics and politics of the post-pandemic world]. *Voprosy Ekonomiki*, 5, 25–44. DOI: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2020-5-25-44>. (In Russ.)

Lawson, T. (2018). The Constitution and Nature of Money. *Cambridge Journal of Economics*, 42(3), 851–873. DOI: <https://doi.org/10.1093/cje/bey005>.

Lo, A. Y. & Spash, C. L. (2013). Deliberative monetary valuation: in search of a democratic and value plural approach to environmental policy. *Journal of Economic Surveys*, 27(4), 768–789. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-6419.2011.00718.x>.

Maevsky, V. (2010). Krugoorobot osnovnogo kapitala i ekonomicheskaya teoriya [Reproduction of fixed capital and economic theory]. *Voprosy ekonomiki*, 3, 65–85. DOI: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2010-3-65-85>. (In Russ.)

Maevsky, V. I. & Rubinstein, A. A. (2021). Konceptiya makroekonomicheskoy politiki kompromissa mezhdu inflyaciej i rostom [The concept of Macro-economic policy based on the compromise between inflation and growth]. *Zhurnal ekonomicheskoy teorii [Russian Journal of Economic Theory]*, 18(4), 485–496. DOI: <https://doi.org/10.31063/2073-6517/2021.18-4.1>. (In Russ.)

Maevsky, V. I. (2021). O bazovykh predposylkakh ne-nejtral'nosti deneg v ekonomicheskoy teorii [On the Basic Preconditions of Non-Neutrality of Money in Economic Theory]. *Zhurnal institutsional'nykh issledovaniy [Journal of Institutional Studies]*, 13(1), 6–19. DOI: 10.17835/2076-6297.2021.13.1.006-019. (In Russ.)

Marshall, A. (1993). *Principy politicheskoy ekonomii [Principles of political economy]*. In 3 Volumes. Vol. 3. Moscow, Russia: Progress, 352. (In Russ.)

Marx, K. (1985). *Capital [Capital]*. Volume 3. Part. 1. Moscow, Russia: Politizdat, 508. (In Russ.)

Marx, K. (1986). *Capital [Capital]*. Volume 3. Part. 2. Moscow, Russia: Politizdat, 1080. (In Russ.)

Marx, K. (1988). *Capital [Capital]*. Volume 1. Moscow, Russia: Politizdat, 891. (In Russ.)

Milonakis, D. & Fine, B. (2009). *From Political Economy to Economics: Method, the Social and the Historical in the Evolution of Economic Theory*. London; New York: Routledge, 374.

- Mitchell, W., Wray, L. R. & Watts W. (2019). *Macroeconomics*. London, UK: Macmillan; Red Globe Press, 604.
- Moiseev, S. R. (2018). “Renessans” monetarizma: chem zhila znamenitaya teoriya v 2000–18 godakh [Monetarism’s “renaissance”: How the well-known theory lived in 2000–2018.]. *Voprosy ekonomiki*, 1, 26–44. DOI: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2018-1-26-44>. (In Russ.)
- Moiseev, S. R. (2019). Hayp vokrug (ne)denezhnoy (ne)teorii [Hype around (non)monetary (non) theory]. *Voprosy Ekonomiki*, 9, 112–122. DOI: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-9-112-122>. (In Russ.)
- Murray, P. (2018). *The Mismeasure of Wealth. Essays on Marx and Social Form*. Chicago: Haymarket Books, 568.
- Nekipelov, A. D. (2019). Krizis v ekonomicheskoy nauke — priroda i puti preodoleniya [The Crisis in Economics — nature and ways to overcome it]. *Vestnik Rossiyskoy Akademii nauk [Herald of the Russian Academy of Sciences]*, 89(1), 24–37. DOI: <https://doi.org/10.31857/S0869-587389124-37>. (In Russ.)
- Pears, I. (1981). Teoriya sprosa, renty i suvereniteta potrebitelya [Demand theory, consumer’s surplus, and sovereignty]. In V. S. Afanasyev, R. M. Entov (Eds.). *Sovremennaya ekonomicheskaya mysl’ [Modern economic thought]*. Moscow, Russia: Progress, 815. (In Russ.)
- Polterovich, V. M. (2011). Stanovlenie obshhego sotcialynogo analiza [Formation of the general social analysis]. *Obshhestvennye nauki i sovremennost’ [Social sciences and contemporary world]*, 2, 101–111. (In Russ.)
- Reder, M. W. (1947). *Studies in the Theory of Welfare Economics*. New York: Columbia University Press, 208.
- Schumpeter, J. (2001). *Istoriya ekonomicheskogo analiza [History of economic analysis]*. Translated from English. In V. S. Avtonomova (Eds.). In 3 volumes. Vol. 3. St. Petersburg, Russia: Economic school, 688. (In Russ.)
- Scitovsky, T. (1952). *Welfare and Competition*. London: Allen & Unwin Ltd, 457.
- Stigler, G. (1950). The development of utility theory. I. *Journal of Political Economy*, 58(4), 307–327. DOI: <https://doi.org/10.1086/256962>.
- Stiglitz, J. E. (2019). *People, power, and profits: Progressive capitalism for an age of discontent*. New York; London: W. W. Norton & Company, 366.
- Suharev, O. S. (2021). Institucionalizm: rascvet ili upadok? [Institutionalism: on the rise or declining?]. *Obshhestvo i ekonomika [Society and economy]*, 11, 18–43. DOI: <https://doi.org/10.31857/S023620070017484-9>. (In Russ.)
- van Staveren, I. (2009). Etika effektivnosti [Ethics of efficiency]. *Voprosy ekonomiki*, 12, 58–71. DOI: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2009-12-58-71>. (In Russ.)
- Viner, J. (2000). Konceptiya poleznosti v teorii cennosti i ee kritiki [The utility concept in value theory and its critics]. In V. M. Gal’perin (Eds.). *Vehi ekonomicheskoy mysli. Teoriya potrebitel’skogo povedeniya i sprosa [Milestones of economic thought. Theory of consumer behavior and demand]*. Vol. 1. St. Petersburg, Russia: Economic school, 380. (In Russ.)
- von Mises, L. (2012). *Teoriya deneg i kredita [The theory of money and credit]*. Chelyabinsk, Russia: Socium, 808. (In Russ.)
- Whaley, L. (2018). The critical institutional analysis and development (CIAD) framework. *International Journal of the Commons*, 12(2), 137–161. DOI: <http://doi.org/10.18352/ijc.848>.
- Yefimov, V. M. (2018). O dvukh tipakh sotcialynogo poryadka. Ch. I [On two types of social orders. Part I]. *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki [Theoretical Economics]*, 1, 7–25. (In Russ.)

Дата поступления рукописи: 18.02.2022.

Прошла рецензирование: 17.03.2022.

Принято решение о публикации: 25.03.2022.

Received: 18 Feb 2022.

Reviewed: 17 March 2022.

Accepted: 25 March 2022.